

§ 18. ИКОНОГРАФИЯ КОЖИ

Онтология медиареальности — реальности информационно-коммуникационных потоков, не знающих границ внутреннего и внешнего, — такова, что самоидентичность сущего возможна в ней лишь как высокоскоростное движение разотождествлений, трансформаций. Как всякая технология (актуализация потенциального), новые медиа сделали явным старое тайное бытия: невозможно быть, оставаясь прежним. И в то же время невозможно быть, не оставаясь самим собой. Исследование стратегий идентичности и аутентичности в мире медиатрансформаций представляется одним из наиболее продуктивных направлений в антропологии и философии современности.

Иконография кожи — предлагаемое в данном параграфе именование современной практики художественной татуировки. Об особенностях и значении этой, пришедшей из архаики, визуально-перфоративной (!) практики в эпоху медиа и пойдет речь.

Татуировка и художественные модификации тела в современной западной культуре начали получать распространение за пределами маргинальных групп в начале 1980-х годов. В 2000-х годах эти практики почти стали нормой. По некоторым статистическим данным, каждый четвертый житель

США в возрасте от 18 до 50 лет имеет хотя бы одну татуировку¹.

Приведем небольшую справку о развитии технологии нанесения татуировок в 20-м веке. Первая электрическая тату-машинка была запатентована в 1891 году Самюэлом Рейли; за основу было взято устройство для гравировки Томаса Эдисона. Принцип работы этого механизма, заключающийся во взаимодействии электромагнитной катушки и пружины, остался практически неизменным до сих пор. К держателю иглы, изготавливаемому из хирургической стали, крепится канал, по которому поступательно движутся одна или несколько игл, совершая около 150 проколов в секунду. Краска вводится иглой в эпидермис на глубину 0,5–1 мм, в зависимости от требований рисунка. Если в архаике, как и столетие назад, изобразительные возможности татуировок были ограничены небольшим набором красок, основанных на натуральных пигментах, то современная промышленность предоставляет широчайшее разнообразие красок и игл, что позволяет создавать на коже изображения, сопоставимые с шедеврами академической живописи.

Помимо очевидной причины роста популярности этой практики — «как только человек осознает, что технология доступна, он ее осваивает»², — что делает вживление изображений в кожу, слияние образов с органикой живой ткани желанными в эпоху медиа? Или, иными словами, какие качества эпохи медиа делают тело (кожу) востребованной поверхностью для изображения?

О значении поверхности в искусстве пронизательно писал Павел Флоренский. Поверхность, на которую наносится изображение, и способ его нанесения неотделимы от духа эпохи.

¹ См. статистику на сайте «Statistic Brain Research Institute». URL: <http://statisticbrain.com/tattoo-statistics/> (дата обращения: 14.02.2014).

² Афоризм из культового анимационного фильма «Призрак в доспехах» (1995).

Поверхность для иконы подготавливается как стена для фрески — твердыня иного мира в Средневековье, холст эпохи Возрождения — знак податливости мира под рукой живописца, гравюра — выражение мысли Нового времени, инженерии мира, проявленной в немецкой философии мышлением чистых форм разума, прилагаемых к миру как материалу. Можно продолжить эту реконструкцию: технологии печати на бумаге — образ мира индустриализации, истонченный в самую хрупкую поверхность силой машин; дадаизм — эксперимент с отсутствующей поверхностью или поверхностью, ставшей материалом; технологии светописи в фотографии и кинематографе — предоставление старого мира поверхностей машинам записи, войн и производства, миграция в мир грез становящихся медиа 20-го века; параллельное переоткрытие мифологий, власти самого языка и структур воображения над великим технургом — и возвращение к человеку голому в перформансе как отказе от изображения и выражения вне тела, вне самого себя.

В рамках медиального поворота мы можем говорить о «новой архаике», возвращающей архаические практики обращения с телом как поверхностью и ландшафтом для травматической инскрипции воображаемого. На карте видов и жанров искусств иконографию кожи можно расположить на пересечении перформанса и живописи. С перформанс-артом практику татуировки роднит телесная событийность, момент телесного претерпевания в акте выражения. Отличие: татуировка всегда выполняется в партнерстве и редко — при участии публики (исключение — тематические конвенции, фестивали). Можно сказать, в процессе художник делегирует свои способности телу клиента, который при этом становится одновременно и произведением, и художником. Автором замысла работы может выступать как мастер, так и сам клиент, или оба в соавторстве; могут использоваться готовые традиционные или

массово тиражируемые эскизы. Так или иначе, в носящем смысл художественного высказывания перформативе перфорации кожи тело подвергается необратимой¹ визуальной трансформации.

Особенность исторического развития этой практики в 20-м веке, как уже было отмечено, — происхождение из маргинальных субкультур. В эпоху победившего копирования и дефицита подлинности культурную динамику задают малейшие проявления неподдельного, искреннего, равного своей истине, аутентичного, которые интуитивно распознаются в массе как свое, родное и ценное, в отличие от порожденного машинами (идеологическими, капиталистическими, седирующими, копирующими и т. д.). Вокруг таких малых всплесков и формируются субкультуры; их динамика центростремительна, подлинность их артефактов стремительно поглощается машинами производства капитала и медиаконтента, вырождаясь в моду (потребительский тренд) либо осадок соцсетевых форм жизни. И все же, аутентичность просвечивает на периферии, вдали от экономического, политического, академического, арт- и медиаистеблишмента. (Что значит «аутентичный», «аутентичность»? Лингвистическая реконструкция этого понятия² возводит его к греческому глаголу αὐθεντίζω, близкому по значению

¹ Удалить татуировку можно с помощью лазера, однако эта процедура более болезненна и травматична, чем нанесение рисунка, обращение к ней — скорее исключение, чем правило. Чаще практикуется нанесение новой татуировки поверх старой, с предварительным осветлением последней лазером. Так или иначе, первоначальный вид кожа не приобретает никогда.

² Греческое слово αὐθεντικός традиционно перелagается на латынь как *griñcipal*: «подлинный, относящийся к правильности начал, свойств, взглядов, чувств, намерений; искренности, преданности», однако это слово является одной из лингвистических загадок. Исследованию этого вопроса посвящена работа: *Valleskey S. P. A Study of the Word Αυθεντεω // South Central District Pastoral Conference: Flower Mound, Texas: April 24, 1995; May 9, 1995. URL: <http://wlsessays.net/files/ValleskeyWord.rtf> (дата обращения: 14.02.2014).*

к ἄρχω — «править, быть началом»; αὐθεντία в наиболее широком смысле означает «держат в своих руках, иметь начало (власть) в самом себе, независимо править»). Аутентично то, что тождественно самому себе, подлинно относительно своего начала. Эпоха медиа, поставившая под вопрос саму возможность подлинности произведения и желания (о чем писали Беньямин, Вирильо, Делез и другие), есть также эпоха крайней нехватки и, как следствие, наибольшей ценности аутентичности в искусстве и жизни.

В каком смысле можно говорить об аутентичности современной татуировки? Принимая во внимание, что вводимые в кожу изображения зачастую далеки от оригинальности, могут представлять собой традиционные несложные рисунки (жанр oldschool), стереотипные высказывания, копии любых образов, заимствованных из медиа — фильмов, мультфильмов, компьютерных игр, музыкальной индустрии, соцсетей, образы мифов и сказок любых народов мира, и т. д.? Во всех подобных случаях, помимо самого факта признания мира икониической и медиакультуры своей действительной мифологией, родиной и жизненным миром, будь то потребительское присваивание образов или глубоко осмысленный мемориал какого-либо значимого для личности события/эмоции, запечатленных в оригинальном произведении, аутентичность проявляется в самом факте необратимо ранящей собственное тело, и по собственной воле, записи. Слияние образа с органикой живой ткани происходит как снятие, в гегелевском смысле, противоречия между своим и чужим, Я и Другим, установление кровной связи между собственным (телом) и иным (многообразием мира) и одновременно означивание границы, становящейся видимым горизонтом реальности трансформаций и самой реальности как действительности движения метаморфоза, превращений.

Вышесказанное можно оспорить, как обратившись к общей диалектике свободы воли, так и охарактеризовав современную татуировку как разновидность визуальной булимии, принявшей радикальную форму, при которой образы присваиваются таким способом, что становятся неотчуждаемы. И это отчасти верно. С учетом специфики вопроса однозначный ответ возможен только в контексте casestudy, изучения частных случаев.

Пониманию значения практики иконографии кожи в эпоху цифровых машин способствует концепция симметрии ран Валерия Савчука. В главе «Медиальная конструкция жертвы» книги «Медиафилософия. Приступ реальности» Валерий Савчук напоминает, что изнанкой всякого знака является рана, и задается вопросом о том, какого рода рану наносит знак дигитальный, т. е. определяющая характер медиареальности тотальность записи в цифровом формате. Ответ таков: «...изнанкой дигитального знака является не безмолвие равнодушной цифровой Вселенной, а телесность человека: его фигура, его внутреннее самосознание, самоощущение, здоровье, наконец, его воля и опыт преодоления трудностей при реализации желания. Последствия такого означивания тела проявляют себя в расфокусированном сознании и клиповом взгляде, в трансформации сферы интересов все более атомарно (или персонально, как и его основное средство коммуникации) существующего человека, а тем более подверженного растворению в Сети. <...> Человек связан с миром, но связь эта не механическая, а скорее органическая (хотя и этот образ не полон), связь, соединяющая их кровеносными сосудами (и здесь подчеркивается продуктивность метафоры Деррика де Керкхофа: „Мир как продолжение кожи — намного интересней, чем мир как продолжение взгляда“), по которым воля к означиванию, к нанесению знака реализуется не во внешнем мире, а в своем собственном, перетекает из цели в сред-

ство: посредник становится средой, а образы — прообразом трансформации»¹. Возможно, именно интуиция необходимости саморанения для сохранения самости и восстановления живой связи с миром влечет людей эры медиа к практике татуировки, и в этом смысле татуировка является практикой экологической.

Можно рассматривать практику татуировки и как современную альтернативу психоанализу. (Помимо очевидно схожих деталей: и то и другое представляет собой серию персональных сеансов, в ходе которых совершается болезненный психосоматический метаморфоз, с обязательной оплатой). Психоанализ, будучи и элементом господствующего дискурса, и элементом сдающих позиции структур субъективности вообще, становится неинтересен, чужд, не востребован. Сетевой фольклор предельно ясен в этом отношении: «Зачем мне психоаналитик, если у меня есть тату-мастер?» — гласит надпись на картинке в тематическом сообществе. Леви-Стросс в 9-й и 10-й главах «Структурной антропологии» проводит параллели между деятельностью психоаналитика и шамана, приходя к выводу, что помимо деталей процесса единственная разница между шаманским лечением и психоанализом — это различное происхождение мифа, воссоздание которого практикуется как способ восстановления целостности здоровья: в первом случае миф является общим для сообщества и предоставляется шаманом, во втором случае миф индивидуален и устанавливается самостоятельно в рамках языка. Если архаическая татуировка вписывала тело в общий для племени миф, то человек эпохи медиа посредством татуировки создает персональный миф на доязыковом уровне — даже если и конвенциональным путем выбора элементов из существующей символической, иконической вселенной. Образы бессозна-

¹ Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2013. С. 275–277.

тельного (и тут можно вспомнить о знаке равенства между «внешним» и «внутренним» медиамира) проступают на коже через акт τέχνη в изначальном смысле искусства как ремесла. В этом смысле татуировка может служить практикой персонального катарсиса.

Британская исследовательница Джемма Энжел (Gemma Angel), защитившая диссертацию по истории искусства татуировки, практикующий мастер тату, рассказывает о своем первом опыте так: «Это стало для меня действительно поворотным моментом. Я провела под иглой два часа, так что у меня было время поразмышлять над процессом, поговорить с мастером. Я почувствовала, что мне это по-настоящему нравится — подвергать себя болезненной, но лично значимой трансформации, приводящей мое тело в соответствие с моей идеей себя»¹.

Так практика визуальной трансформации тела посредством татуировки обнаруживает художественную, экзистенциальную и экологическую значимость для жителей медиамира. Потребность в ней задается спецификой самой медиареальности. Вопрос о будущем этой практики — станет ли она повсеместной или вскоре останется в прошлом как увлечение одного-двух поколений — интересен; но, скорее всего, только радикальные изменения технологий и общественных отношений могут сделать ее невостребованной.

В заключение приведем высказывание о татуировках, консюмеризме и коммодификации образов известного японского тату-мастера Шиге (Shige), наследника традиции эпохи Эдо: «Татуировка — это форма искусства. Для меня татуировка — это чистейшая форма искусства. Конечно, это остается и бизнесом. Конечно, мастер получает деньги

¹ Lewis H. Will a tattoo ever hang in the Louvre? // The New Statesman. URL: <http://newstatesman.com/art-and-design/2013/04/will-tattoo-ever-hang-louvre> (дата обращения: 14.02.2014).

в обмен на работу. Но это искусство уникально, потому что в его создании участвуют двое: мастер и клиент. В живописи художник свободен в своей креативности. Но такое искусство остается в музеях или покупается третьими лицами. Татуировка является партнерством между двумя людьми. Когда клиент умирает, искусство умирает вместе с ним. Обычные картины продолжают жить, их цена может увеличиваться после смерти художника. Такому искусству назначает цену кто-то другой, посторонний. Вот почему я считаю татуировку чистейшим искусством»¹.

¹ *Dystant L.* The Gypsy Gentleman Travels to Japan to Meets Horiyoshi III for Episode 7 // Selectism. URL: <http://selectism.com/2013/08/12/the-gypsy-gentleman-travels-to-japan-to-meets-horiyoshi-iii-for-episode-7/> (дата обращения: 14.02.2014).